

КАРИНЭ ГЕВОРГЯН
НИКОЛАЙ ГОНЧАРОВ

КОНЦЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

В июне 2019 года Президент Владимир Путин в интервью газете Financial Times заявил о конце эпохи либерализма.

Одним из критиков либерализма стала Русская Православная Церковь, поскольку, как заметил в своём выступлении в Киево-Печерской лавре 29 июля 2009 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, исторически либерализм ставил “перед собой задачу бороться с тиранами, с тиранией, под которой подразумевались монархия и Церковь”. Противоречия углубились с возникновением постмодернистского либерализма. Патриарх считает размывание понятий добра и зла прямым следствием постмодернистского либерализма, а в исчезновении различий между добром и злом он видит признаки Апокалипсиса. В дополнение к этому 15 октября того же года Патриарх заявил, что либерализм – это “в каком-то смысле” греховная идея, потому что предполагает поставление в центр жизни самого человека, а не Бога.

Экологизм и гендерная идеология являются его производными. Буржуазный консерватизм – лишь разновидность того же либерализма. Консерваторы чувствуют несовместимость чистого либерализма с жизнью и пытаются спасти положение, обращаясь к “традиционным ценностям”. При этом от “прав человека”, “свободы предпринимательства”, свободы слова, вероисповедания, разрушающих все их “ценности”, консерваторы не отказываются. И благодаря этому легко эволюционируют в либеральную сторону.

Говоря о либерализме мы, разумеется, имеем в виду его теснейшую связь с капитализмом, органической идеологией которого он является. Либерализм эволюционирует вместе с капитализмом, по мере того как капитализм закономерно перерастает в финансиализм – строй, при котором господствуют финансисты, в силу своей близости к власти оседлавшие печатный станок. Что позволяет им обирать всё общество, включая классических капиталистов-производственников.

Предлагаем несколько тезисов.

– Смысловые поля иностранного термина “либерализм” и русского слова “свобода” имеют мало общего.

– Либерализм не равен свободе, поскольку свободу подменяет освобождением, в котором нуждается тот, кто якобы несвободен.

– Доминирование либерализма в современном мире привело к кризису идентичности: цивилизационной, культурной, этнической, религиозной и даже половой. Однако, если у субъекта смазать или отнять идентичность, он перестаёт быть субъектом, состояние свободы для него перестаёт быть актуальным.

– Визуальная символика либерализма связана с античными хтоническими персонажами* и эстетизацией смерти.

– Кроме такой апелляции к Античности, либеральный мейнстрим, как и нацизм, обнаруживает связь с радикальной гностической, то есть отрицающей этот мир традицией двух последних тысячелетий, одним из проявлений которой стал протестантизм.

Подмена в либеральном мифе

Либерализм – это идейное и общественно-политическое течение, провозглашающее высшей ценностью права и свободу каждого человека. Однако в этом утверждении содержится большая доля лукавства.

Углубляясь в критику теоретических оснований либерализма, таких как никогда не имевшие места “естественное состояние” и “общественный договор” или же внеисторические “права человека”, нет смысла – это давно уже сделали весьма квалифицированные люди. Нас интересуют не столько идейные основы либерализма, сколько современные социальные и политические следствия развёртывания его принципов.

Спецификой либерализма, по сравнению с другими идеологиями, является не свобода и достоинство человеческой личности, а утверждение собственности, частной собственности. Именно она объявляется либерализмом неприменным условием свободы, а следовательно, именно её утверждению он и посвящён.

Таким образом, лицемерие либерализма начинается с его названия.

В разных нарративах на русском языке либерализм отождествляется со свободой. Однако понимание свободы либералами не соответствует значению слова “свобода” в русском языке.

“Свобода”. Слово близко к слову “свой” и к корню “соб-” (“особый”, “собственный”). В начале своего употребления в русском языке оно обозначало состояние того, кто является своим собственным, т. е. не является ничьим рабом, не является невольником**.

Для русского сознания свобода – состояние. Либерализм же декларирует необходимость процесса освобождения, в том числе от старой обременяющей идентичности. Субъект из одного состояния редко переходит в другое одновременно. Сначала старая идентичность размывается. Человек и общество с размытой идентичностью неизбежно ослабляют свою субъектность. Тот же, кто слабо субъектен, теряет волю и перестаёт быть свободным. В тисках этого парадокса высок риск попадания в “муравьиную мельницу”***.

Истоки современного либерализма

Стоит заметить, что латинское прилагательное *liberalis* образовано от имени собственного. Либер был римским богом плодородия земли и в своём качестве бога вина и виноделия отождествлялся с греческим Вакхом-Дионисом – богом опьянения и безумия. Либер принадлежал к числу древнейших римских богов, а главный его праздник приходился на 17 марта; в этот день римские юноши впервые надевали мужскую тогу, что было частью инициации.

---

* Хтонические существа, или хтонические чудовища (от греч. Χθών – “земля, почва”), во многих религиях и мифологиях – существа, изначально олицетворявшие собой дикую природную мощь земли, подземное царство и т. д. Среди характерных особенностей хтонических существ традиционно выделяют звероподобие, наличие сверхъестественных способностей, органично сочетающееся с отсутствием созидательного начала, и оборотничество. К хтоническим существам относились также умершие предки, живущие в загробном мире (преисподней). Хтонический характер имеют и соперничающие с Демиургом властители преисподней.

** Происхождение слова “свобода” в этимологическом словаре Л. В. Успенского.

*** Муравьиные круги (муравьеворот, спираль смерти, карусель смерти, англ. Death mill) – природное явление, состоящее в том, что один или небольшая группа муравьёв, на первый взгляд совершенно беспричинно, начинает бегать по замкнутому кругу, постепенно вовлекая в свой бесконечный цикл всё больше и больше других муравьёв. Муравьи продолжают свой бег до тех пор, пока не падают замертво.

Сейчас на эту дату падает День святого Патрика (день его кончины), когда, как сообщают поклонники этой традиции, во время торжественного массового шествия “ничто не покажется чересчур кричащим или безумным”. Забавное совпадение.

В общем, либералии, они же вакханалии в Древнем Риме были оргиастическими и мистическими празднествами. Проводились тайно, под покровом ночи, первоначально их посещали только женщины, которые собирались в роще Симилии возле Авентинского холма 16-го и 17 марта для “соединения с богом”. Позже на церемонию стали приходить и мужчины. Празднества эти соединяли дикий разгул с экстатическими танцами и нередко сопровождались элементами насилия.

Государство в лице римского Сената выступало противником вакханалий. Несмотря на тяжёлое наказание, налагаемое на нарушителей сенатского запрета, вакханалии не были искоренены.

Символика и смысловые коннотации

Символика либерализма, восходящая к Античности, проявилась в итальянском Возрождении. Любопытна скульптура “Свобода поэзии” с короной лучей, напоминающих лучи из головы древнегреческой богини Гекаты. Затем эта символика была подхвачена лидерами Великой французской революции. На государственной печати Французской республики не Марианна во фригийском колпаке, а Геката. Очевидно, что апелляция к античному язычеству была необходима тогдашним революционерам для противопоставления христианству.

Геката — древнегреческая богиня лунного света, преисподней, магии и колдовства. Она почиталась как богиня смерти, ведьм, ядовитых растений и других колдовских атрибутов. Многие видели ролик, в котором актриса львовского театра выступила в роли сходной славянской богини Мораны, — это сходство отнюдь не случайно. Как не случайно обращение идеологического украинства к язычеству и оккультным практикам.

Атрибуты этого же языческого персонажа мы видим в знаменитой статуе Свободы в Нью-Йорке*.

Европарламент и либерализм. Тоталитаризм и коллективизм

С точки зрения либерализма, и социализм, и фашизм стремились к государственному контролю над экономикой и централизованному регулированию всех аспектов жизни общества, и эти общие черты объединяли коммунизм и фашизм в единую категорию — тоталитаризм. В свою очередь, либерализм начал определять себя как противника тоталитаризма и рассматривать последний как наиболее серьёзную угрозу для либеральной демократии.

Указанная выше параллель между различными тоталитарными системами вызывает резкие возражения противников либерализма, которые указывают на противоположность фашистской и коммунистической идеологий. Если нацисты и фашисты апеллировали к античным хтоническим традициям, то у коммунизма можно обнаружить связь с пусть еретической, но всё же христианской хилиастической идеей*. Вспомним нацистские ночные факельные шествия, отряды “Мёртвая голова” (*SS-Totenkopfverbände*) и, в противовес этому мраку, воспевание утра, солнца, жизни — в советском искусстве. Современный бандеровский триумф “воли” в Киеве и одновременно атака на советское наследие и на Православие убедительно подтверждают эти имманентно присущие, общие либерализму и нацизму черты.

Однако фон Хайек и другие либеральные мыслители настаивали на фундаментальном сходстве фашизма и коммунизма в силу того, что они основаны

* Статуя Свободы (Statue of Liberty), полное название — “Свобода, озаряющая мир” (Liberty Enlightening the World). Была сооружена как подарок США от Франции ко Всемирной выставке 1876 года и столетию американской независимости. Семь лучей на короне статуи символизируют семь морей и семь континентов.

** Хилиазм — богословское понятие (теория), представления в рамках христианской эсхатологии о “периоде торжества правды Божьей на земле”, в котором Иисус Христос и христиане будут править миром на протяжении 1000 лет.

на государственной поддержке неких коллективных интересов в ущерб интересам, целям и свободам отдельного гражданина. Это могут быть интересы нации – немецкий нацизм, государства-корпорации – итальянский фашизм или интересы “трудящихся масс” – коммунизм. Иначе говоря, с точки зрения современного либерализма, и фашизм, и коммунизм есть лишь крайние формы коллективизма. Именно этот подход и стал основанием для голосования 19 сентября 2019 года, когда депутаты Европарламента приравняли нацистский и коммунистический режимы друг к другу, приняв резолюцию “О важности европейской исторической памяти для будущего Европы”.

Создаётся впечатление, что европейские либералы поспешили обвинить коммунизм, чтобы закрыть дискуссию о связи самого либерализма с фашизмом, с его культом смерти.

Либерализм в современной России

Свод основных политических принципов Liberal International составлен на Международной либеральной конференции в Уадхем-колледже (Оксфорд) в апреле 1947 года.

Через пятьдесят лет, в 1997 году Liberal International возвратилась в Оксфорд и выпустила дополнение к оригинальному манифесту, названному *Либеральной повесткой дня в течение 21-го века*, описав либеральную политику более подробно. Второй Оксфордский манифест был принят 48-м Конгрессом Liberal International.

В России к разным, а иногда и противоборствующим стратам внутри либерализма принадлежат такие организации, как партия “Яблоко”, ПАРНАС, Партия Роста, Демократическая партия, Гражданская платформа и различные отъехавшие и оставшиеся ЛОМы (лидеры общественного мнения).

Интересен проект сотрудников НИУ ВШЭ (Высшей школы экономики) “Либеральная повестка в 21 веке”. Он предполагает проведение серии мероприятий для анализа современных вызовов для либерализма в России и Европе и поиска ответов на них. Инициативной группой из этого Научно-исследовательского университета в 2016 году опубликован манифест “Быть современными европейцами в нынешней России”. Отдельные абзацы из этого документа стоит процитировать:

“25 лет назад Россия освободилась от советского строя для того, чтобы примкнуть к цивилизованному миру... Но, как теперь стало ясно всем, кто всерьёз, а не на словах, хочет сделать Россию страной, которую уважают за свободу развития человека, мы сбились с выбранного в 1991 году пути.

Вместо открытости к миру наша страна погружается в пучину изоляционизма, ксенофобии и клерикализма. Вместо поощрения самостоятельности личности в России снова расцветает патернализм и двоемыслие. Вместо реальной политической конкуренции в борьбе за власть у нас сформировалось раздувшееся до невероятных размеров государство, основанное на несменяемости правящей группы. В стране происходит настоящая промывка мозгов через подконтрольные властям основные СМИ. Такая измена идеалам, лежащим в основе провозглашённой 25 лет назад новой России, не могла не привести страну к системному кризису”*.

Либерализм принципиально “не помнит” своих исторических корней и реальных оснований своего существования. Он представляет себя внисторическим общественным строем, якобы идеально соответствующим природе человека. Если либерального устройства где-то нет, то это результат невежества, непонимания людьми своей пользы или же результат корысти тиранов.

Оконфузившаяся на весь мир, но характерная работа Фукуямы “Конец истории” отражает жажду либерализма освободиться от истории. Либерализм грезит вечным историческим двигателем, эквивалентным вечному тормозу, под которым видится механизм либеральной демократии, который противостоит движению истории и призван остановить её.

История между тем показывает, что установлению либерально-демократического строя предшествует унификация общества насилием – насилием религиозных войн и буржуазных революций.

* http://www.eedialog.org/ru/o-nas_trashed/manifest/

И это естественно. Лишь после того, как общество гомогенизировано чредой кровавых катаклизмов, оно может позволить себе либеральные свободы — свободу слова, мысли и вероисповедания. В силу того простого факта, что к этому моменту подавляющее большинство членов этого общества думает примерно одинаково.

Забвение этих фундаментальных предпосылок либерализма — необходимости предварительной унификации и единомыслия общества для его последующего либерального существования — играют злую шутку с современным либеральным Западом.

Запад упорно не видит угрозы, рождаемой для него миграцией, радикальным исламизмом, мультикультурализмом. Выхода изнутри самого либерализма из этого положения нет, так как для осознания проблемы либерализм должен стать на историческую точку зрения. А она для него невозможна, так как в принципиальной неисторичности он находит своё самооправдание.

Что до политической формы либерализма — буржуазной демократии, то её основанием тоже является революционный террор, — прежде всего, Великой французской революции. Голосование по принципу “один человек — один голос”, является бескровным субститутом гражданской войны.

Либерализм абсолютизирует индивидуума. Такая абсолютизация ведёт к отрицанию любых надличностных общностей — “за деревьями” либерализм “не видит леса”. Абсолютизация каждой отдельной человеческой жизни (“нет ничего ценнее человеческой жизни”) приводит к абсолютизации смерти, поскольку каждый отдельный человек смертен. Отсюда зачарованность Запада смертью.

Абсолютизация либерализмом свободы и индивидуума имеет своим следствием не только разрушение общества, но и разрушение самого человека.

Абсолютизация свободы (“свободы от”, или же “негативной свободы”, как её называет Исайя Берлин) влечёт за собой отказ от культуры, по своей природе предполагающей систему запретов. После демонтажа культуры неизбежно происходит распад человека. Индивидуализация идёт вглубь — деление продолжается. Если природный, так сказать, примордиальный человек обладает всеми правами, то нужно прислушиваться к его внутренним импульсам и следовать им. Какой-нибудь, скажем, гомосексуальный импульс, не сдерживаемый более культурой (а какое она имеет право сдерживать?), надо лелеять и взращивать как наконец-то проклюнувшуюся истинную природу “личности”.

На это работает и коммерция либерального рынка, которая старается провратиться через “операционную систему” человека (его культуру) к его “машинным кодам” — к бессознательному, к инстинктам — голоду, жажде, сексуальному вожделению, безотчётному страху, минуя разум, минуя личность, минуя культурную оболочку, разрушая культурный фундамент личности. Таким образом либерализм выступает как фундаментально антикультурная сила.

Снятие культурного слоя естественным образом приводит к гипертрофии сексуальности. Любая война сопровождается эксцессами, насилием, в том числе сексуальным. Но те фото-извращения, которые мы видели во время Иракской войны на фотоснимках из тюрьмы Абу-Грейб, специфичны именно для американского либерального общества.

Современные проявления либерализма — логическое развитие лозунга “Свобода, Равенство, Братство”. Требование равенства перед законом, социального равенства, приводит в логическую ловушку. Революционеры хотели равенства слабых с сильными (женщин с мужчинами, простолюдинов с аристократами, бедных с богатыми, чёрных с белыми). В результате получили равенство сильных со слабыми. Трансгендеры мужчины “на равных” соревнуются с женщинами в поднятии тяжестей. Богатые “на равных” судятся с бедными с помощью дорогих адвокатов.

Молох правового государства отрицает принцип “субботы для человека” (то есть закона для человека), утверждая верховенство права, то есть утверждая “человека для субботы”. В правовом государстве, парадоксальным, но закономерным образом мафия и вообще долиберальные сообщества получают колоссальные преимущества. Когда они действуют в атомизированном окружении, закон прикрывает им тыл и фланги.

“Прирождённые права человека” — это тоже абсолютизация докультурного, то есть животного начала. Отсюда права и свободы безумцев, детей,

животных и растений. Отсюда права на “смену пола” (самокалечения) детей. Ведь если человек с рождения обладает правами человека, он полноправен от рождения, хотя бы он был двухлетним младенцем. Из первичности прав человека вытекает непорочность человека, то есть невозможность христианства.

Российский либерализм

Разумеется, мы не забываем, что социализм имеет с либерализмом общий корень и в известном смысле происходит от либерализма. Либералы и социалисты (и даже коммунисты) могут идти рука об руку во время борьбы с феодализмом и абсолютизмом, но потом они расходятся. В России либерализм радикально разошёлся с социализмом после первой русской революции, когда отечественная буржуазия была напугана революционными эксцессами.

Этот разрыв знаменовал знаменитый сборник “Вехи”. Главный пафос его — “Нечего думать о благе народа, надо думать о своей душе”. Мы не будем сейчас углубляться в анализ феномена российской и советской либеральной интеллигенции. Заметим лишь, что российская/советская интеллигенция не столько либеральна, сколько гностична.

О реальном историческом гностицизме советские интеллигенты, разумеется, не имели никакого понятия, поскольку не имели понятия ни о чём фундаментальном, будучи эпигонами западного мейнстрима. Но их самоощущение типологически было именно гностическим. Они считали себя “избранными”, единственными знающими “как надо”, вынужденными жить среди тёмных “трудящихся”. Они принадлежат другому миру, они живут в земном аду дикости, они — искры света, брошенные во тьму. Их подлинная родина не здесь, а там, где горит огонь добродетели и культуры, царит материальное изобилие и прогресс, то есть на Западе, слиться с которым им мешают злые силы — советские коммунисты и тёмный русский народ и поддакивающие ему нацмены (а теперь ещё и Путин). Под эту гностическую музыку и был разрушен Советский Союз. А позже под неё же велась работа по уничтожению России и поддержка террористов на Северном Кавказе.

Либерализм и общество

Либерализм логично разрушает семью, поскольку она уже является обществом, а не суммой индивидов. Буржуазная семья с её целомудрием утверждалась для того, чтобы обеспечить наследование капитала биологическими потомками собственника. Сейчас биологического потомка можно определить генетическим анализом. Прежняя буржуазная семья становится ненужной.

Либерализм влечёт за собой невозможность патриотизма, а значит, проблематичность государств (в смысле — стран), которые существуют только тогда, когда за их независимость готовы умирать. Заметьте, украинцы жертвуют собой, и чтобы “Ще не вмерла Україна”, и ради победы Запада над Россией, позиционируя себя борцами с ней как со вселенским злом.

В связи с этим одно наблюдение. Легко заметить, что американский патриотизм — патриотизм самого либерального государства — истеричен. Звёздно-полосатые флаги на каждом доме, в каждом кабинете, постоянное употребление всуе слов “патриотизм”, “патриот” — признак подсознательной неуверенности в этом самом патриотизме.

Характерный момент. Храм американизма — это Голливуд и его кинопродукция. Тема спасения героем-одиночкой человечества, Америки, её президента, американцев, взятых в заложники и т. п. — неизменная форма её утверждения. Обратите внимание: почти всегда, когда герой всё это спасает, в руках злодеев, бандитов, террористов, северных корейцев и др. оказывается также его семья. Дело здесь не столько в нагнетании драматизма. А в том, что американцу не хватает мотивации для самопожертвования ради страны, мира, демократии и т. д. И чтобы сделать поступок убедительным, нужно привнести личный интерес, например, спасение собственной семьи. То есть либеральный патриотизм глубоко неполноценен.

С другой стороны, то же американское кино, например, сериалы “Во все тяжкие” (Breaking Bad) или “Ozark”, показывают, как забота о семье превращает американца в чудовище.

Возникает вопрос: каким же образом при всём этом (разрушая человека и общество) либеральные общества могут существовать, а либералы иногда могут быть приличными людьми? Ответ прост – это возможно, пока либерализм не “съел” культурное наследие до-либерального общества и до-либеральных идеологий. Пока он не до конца демонтировал традиционные мораль и нормы, делающими возможной жизнь.

В процессе своего развития параллельно развитию капитализма либерализм из идеологии ещё сколько-нибудь прогрессивного производственного капитализма стал идеологией финансового капитала. Не надо смешивать нынешний финансиализм с ленинским империализмом – “высшей” в кавычках стадией капитализма. Это следующая стадия, можно сказать, ещё более высшая стадия по отношению к ленинскому империализму.

Либерализм и искусство

Оторванность финансиализма от реального производства, являвшегося сильной стороной капитализма, и либерализма как идеологии финансиализма проявляется во всех сферах. Например, в искусстве она ведёт к экспансии абстрактного и концептуального искусства. Финансист (финансиалист) всё сводит к количеству, ведь его бог – жёлтый дьявол, деньги, то есть бескачественная абстракция. (“Деньги не пахнут”, – говорил ещё римский император Веспасиан). Поэтому финансиалист живёт в мире крайних абстракций. Фигуративное искусство, в котором есть люди, животные и растения, биоморфные ангелы и боги, ему чуждо. Оно ему враждебно и опасно, так как указывает на существование не вполне подвластного ему неабстрактного мира.

Именно поэтому сердцу финансиалиста – главного мецената нашей эпохи – мила абстрактная концептуальная мазня и голые геометрические формы нынешней архитектуры. Заметим, что теперь для её лицезрения не нужно ехать в Нью-Йорк.

Абстракция расцветает и в области управления, поскольку финансисты не имеют понятия о сути тех производств, которыми они владеют. Отсюда изобретение всякого рода коэффициентов эффективности. Нужно упростить задачу управления так, чтобы её могла решать обезьяна, – крутя ручку, совмещать стрелки, чтобы получить банан. В кадровых вопросах это страсть к дипломам, степеням, титулам. Диплом позволяет снять ответственность за кадровые решения в отношении того или иного кандидата. Расцветают всякого рода рейтинги и рейтинговые агентства.

Противоположность либерализма и демократии

Следует указать на противоположность либерализма и демократии, при том что либералы любят драпироваться в демократические одеяния.

Несмотря на навязчиво создаваемую иллюзию чуть ли не тождественности этих понятий, либерализм принципиально чужд демократии. Недаром фундаментальной отправной точкой либерализма является феодальная “Великая хартия вольностей” (1215 год), когда ни о какой демократии в Англии речи идти не могло.

На противоположность либерализма и демократии указывал ещё русский мыслитель Николай Гаврилович Чернышевский: “У либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения. Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны, уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой – дать более веса и благосостояния низшим сословиям... Напротив того, либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия по своей необразованности и материальной скудости равнодушны к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно к праву свободной речи и конституционному устройству... Потому либералы обыкновенно питают

к демократам смертельную неприязнь, говоря, что демократизм ведёт к деспотизму и гибели для свободы...”

Либералу, особенно имущему, ненавистно оказаться во власти большинства, ибо это “покушение на его свободу”.

Чувствуя угрозу со стороны демократии, либерал пытается защититься от неё разделением властей, системой “сдержек и противовесов”, фиксируя это документами типа конституции. Вспомним, что первая и вторая главы нашей прежней редакции конституции, которые закрепляли либеральную идеологию в нашей стране как государственную, были защищены от изменений нереальной к исполнению процедурой.

Примечательно, что здесь либерализм в очередной раз идёт вразрез с насущными потребностями общества. В стремлении обезопасить правящий класс от выдвигаемых им же управленцев либерализм затрудняет само управление государством. Чем больше пресловутых сдержек и противовесов, тем менее дееспособной становится политическая система, тем меньше возможность принимать осмысленные решения. Вспомним, как эти самые противовесы полностью парализовали администрацию легитимно избранного президента США Дональда Трампа. После предстоящих в ноябре 2022 года выборов в Конгресс система сдержек и противовесов точно так же может парализовать администрацию Байдена.

Сегодняшняя политическая система США с её “сдержками и противовесами” всё более и более становится похожей на польскую шляхетскую демократию эпохи “либерум вето”^{*}.

Кстати, Российская империя традиционно была заинтересована в демократии в других странах и её защищала её же оружием. Например, в Польше и Швеции в XVIII века. Царские юристы писали либеральную конституцию Румынии.

Польше, благодаря России, не удалось избавиться от “либерум вето”, что закончилось её разделом. Швеции в результате удачной войны с Россией удалось избавиться от демократии в пользу абсолютизма. По Верельскому мирному договору в 1790 году Россия отказалась от роли гаранта парламентского строя в Швеции. И в результате Швеция сохранила свою независимость.

Сегодня Россия точно также заинтересована в сохранении американской политической системы, как в XVIII веке была заинтересована в её сохранении в Польше. Это звучит парадоксально на фоне постоянно звучащих в адрес России обвинений, но желательно, чтобы нас это не смущало.

Вообще говоря, либеральная абсолютизация личности логически приводит к невозможности демократии, то есть власти большинства народа. Невозможно в принятии решений исходить из либерального способа подсчёта голосов, когда единица равна множеству и даже превосходит его. В экстремуме же либерализм умеет считать людей только до одного. По либеральным понятиям, демократия требует приоритета интересов меньшинств над интересами большинства.

Этим путём, между прочим, происходит и ликвидация равенства перед законом. Патологическое стремление к обеспечению “прав человека” порождает “права меньшинств”, всевозможных омбудсменов, “положительную дискриминацию” и т. д. Это имеет следствием то, что одним полагается закон, другим — закон плюс омбудсмен, плюс позитивная дискриминация. Нормально функционирующее общество становится невозможным. При этом множась меньшинства вступают в неразрешимые противоречия друг с другом. Дело доходит до гротеска. Лесбиянки отказываются спать с трансгендерами. Гомосексуалисты отказываются пускать трансгендеров в облюбованный ими сквер.

Способный функционировать в узком диапазоне благоприятных условий, либерализм делает невозможность эффективных действий в чрезвычайной ситуации. Вспомним ураган “Катрина” или военную катастрофу англичан и французов в 1940 году.

Не будем распространяться о политтехнологическом демонтаже демократии элитами. В условиях общего кризиса системы от относительно “приличных”

^{*} **Liberum veto** (свободное запрещение) – принцип единогласия в парламентском устройстве Речи Посполитой, позволявший любому депутату сейма выступить против и тем самым прекратить обсуждение вопроса или работу сейма в целом.

методов либеральные элиты переходят к политехнологиям совсем грязным. Мы помним дело Стросс-Кана, организованное, дабы не дать ему стать президентом Франции, дело Фийона – для того чтобы избрать Макрона.

Чувствуя реальную угрозу со стороны демократии, либерализм всегда готов обратиться за спасением к диктатуре. Его останавливает лишь риск оказаться во власти тех, кто будет эту диктатуру осуществлять, поскольку сам либерал не склонен брать на себя ответственность и, при безграничной жестокости, не склонен лично мараться кровью. Он обычно прибегает к помощи военных или, крайнем случае – откровенных фашистов. Но под угрозой потери собственности со стороны классовых врагов он всегда пойдёт на риск диктатуры.

Родство либерализма и фашизма

Несколько слов, кстати, о родстве либерализма и фашизма/нацизма. Оно прочно, глубоко, а иногда оказывается на самой поверхности.

При всей антилиберальной риторике фашизм работает на ту же задачу, что и либерализм – защиту частной собственности. И, при внешней несхожести, имеет с либерализмом много общего. Вспомним свойственный им обоим дуализм, гностицизм, неодавинизм. Немецкий нацизм учился у британского либерализма, в том числе его колониальным практикам, и делал в Европе то же, что британский либерализм в колониях. Идеи расового превосходства подпитывались из Англии (Хьюстон Стюарт Чемберлен).

Понятно, почему капиталисты предпочитают либерализм фашизму, но в кризис они всегда предпочтут фашизм коммунизму. В отличие от либералов, фашисты – не слуги капитала, а партнёры. У них есть свои специфические цели. Здесь возможны варианты – был ведь и левый фашизм Штрассера; Муссолини проявлял антикапиталистические, социалистические тенденции даже в конце своего владычества.

Заметим, что пафос германского фашизма парадоксально либерален. Тот же Розенберг в своём “Мифе XX века” проповедовал якобы присущую нордическому духу свободу личности, путь к которой он видит в освобождении от любви, милосердия и сострадания. Это очень похоже на пафос наших либералов 1990-х годов.

Информационные волны (цунами)

Либерализм в принципе против контроля над информационной средой. По крайней мере там, где непосредственно не задеты его интересы.

Требуемая либерализмом свобода информации создаёт условия для распространения волн паники и апокалиптических настроений на фоне ощущения кризиса и хрупкости мира, в котором существуют люди Запада.

Характерным проявлением этого явилась недавняя паникемия по поводу ковида. Отсутствие встроенных в систему гасителей автоколебаний – цензуры или чего-то другого – сделало пусть тяжёлую, но вполне банальную болезнь всемирной катастрофой. Разумеется, раз уж цунами возникло, многие захотели его оседлать и погреть на нём руки.

Отсутствие цензуры и характерного для либерализма интереса к истине позволяет регулярно возникать такого рода волнам. Мы видели их целый ряд, с тем или иным ущербом человечеству. Это унесшая многие тысячи жизней мода на витамины в 1960-е годы. Борьба против натурального меха в пользу искусственного. Паника по поводу озоновой дыры, ударившей по производству фреонов. Проблема 2000 года. Волны расовой и гендерной политкорректности, разрушающие язык и культуру. Экологическое и климатическое безумие. Разрушающие человеческую сексуальность и социальность движения типа Me-Too.

Как правило, у таких волн есть коммерческая подпитка, иногда она не просматривается. Например, трудно представить себе значимый коммерческий интерес в западном помешательстве на “дегидратации”.

Здесь работает как неспособность контролировать распространение информации, то есть панику, так и гипертрофия “заботы о каждом отдельном человеке”, то есть неспособность “за деревьями видеть лес”.

Торможение научно-технического прогресса и его следствия в условиях либерализма

Теперь стоит остановиться на сути нынешнего кризиса либерально-капиталистического мира, посмотреть, в чём корни этого кризиса.

Для капитализма необходимо постоянное расширение. Коммунисты-марксисты, начиная с XIX века, ожидали близкого краха капитализма, поскольку тот, как представлялось, исчерпал пространство для своего развития.

Однако краха этого не произошло до сих пор. Почему? Потому что капитализм способен не только расширяться, занимая имеющееся пространство, и разрешать порождаемые им противоречия, используя имеющиеся в этом пространстве ресурсы. Он оказался способен расширять это пространство и создавать всё новые и новые ресурсы. Он делал и делает это, развивая транспорт и связь. В XIX веке он расширял своё пространство, захватывая колонии. Когда-то капиталистический промышленный мир ограничивался Европой; во второй половине XX века он расширился на Азию. Ещё возможно его полноценное расширение на Африку, Латинскую Америку.

Ещё важнее расширения пространства расширение ресурсной базы за счёт научно-технического прогресса. Научно-технический прогресс, свойственный капитализму, превращает не-ресурсы в ресурсы. Если мы говорим о такой ключевой вещи, как энергия, то в источники энергии, вначале сводившиеся к дровам и углю, превращались нефть, природный газ, уран, а ныне – ветер и непосредственно лучи Солнца.

Если у вас есть соответствующие технические и энергетические возможности, вы можете расширять пространство, не только построив железную дорогу или пувит по морю корабль, но превратив пустыню в плодородную землю, а затем увеличить ресурс рабочей силы, поселив и размножив в бывшей пустыне людей или произведя в ней дополнительное продовольствие, дабы кормить и умножать рабочую силу в другом месте.

Да, капитализм постоянно порождает проблемы – неравенство, нищету, голод, но если он при этом производит дополнительные ресурсы, он может “залить” ими “пожар”, “заткнуть” социальную “дыру” и продолжить своё существование.

С момента, когда капитализм заполнил пространство в чисто географическом смысле, его устойчивость определяется, с одной стороны, темпами научно-технического прогресса и, следовательно, темпами прироста ресурсов, с другой – темпами нарастания проблем и противоречий, капитализмом создаваемых.

Таким образом, для устойчивости капитализма ключевым является темп научно-технического прогресса, в конечном счёте – прогресса науки, получения новых полезных знаний, позволяющих создавать новую технику и технологии, превращающих малополезные до сих пор вещи в новые ресурсы.

Беда в том, что темпы расширения знаний принципиально неравномерны. Можно сказать, у пути прогресса есть свой рельеф. На одном участке этого пути мы идём по равнине, без чрезмерных усилий. На другом весело бежим под гору, на третьем – с трудом в гору поднимаемся. А порой натываемся на отвесную стену, на которую мы при наличных средствах не можем взобраться.

Человечество переживало разные периоды истории в этом отношении. Например, в XIX веке и первую половину XX века новые фундаментальные знания лились потоком. И они давались сравнительно небольшими материальными затратами. Резерфорд считал, что для того чтобы проводить фундаментальные физические эксперименты, достаточно палки, верёвки и сургуча.

До середины XX века научные достижения и следом за ними чудеса техники сыпались как из рога изобилия. Появились телеграф и телефоны, железные дороги, автомобили и самолёты, реактивные двигатели и ядерные реакторы, радиолокаторы и телевизоры, космические корабли и полупроводниковые приборы, и пр. Элементарные частицы открывали пачками.

Сегодня для того чтобы обнаружить и доказать существование одной частицы (бозона Хиггса), нужно построить инструмент (ускоритель) стоимостью больше пяти миллиардов долларов. Даже с учётом инфляции со времён Резерфорда это существенно дороже, чем палка, верёвка и сургуч.

Конечно, технический прогресс последних трёх-четырёх десятилетий дал нам персональный компьютер, интернет и сотовый телефон. Но эти технические

средства, по большому счёту, не дают новых ресурсов. Максимум, что они могут, — позволяют лучше использовать уже имеющиеся. Они не столько расширяют наше пространство, сколько упорядочивают его, а может быть, даже сужают. Например, развиваются технологии слежения и контроля, и человек перестаёт себя чувствовать себя свободным там, где он раньше себя чувствовал и был свободным.

Мы говорим, что смысл экономики состоит в конечном спросе. А в чём главный смысл конечного спроса? В воспроизводстве человека. В лучшем случае, в расширенном воспроизводстве рабочей силы — количественном или качественном. Прогресс последнего времени, выражающийся в новых товарах, касается в основном информационной сферы. От того, что у телевизора становится больше диагональ или больше пикселей экрана, повышается ли квалификация или творческая сила зрителя? От того, что человек сутками просиживает в интернете, соцсетях, становится ли он умнее и образованнее? Сомнительно.

В целом, факт налицо — со второй половины XX века технический прогресс замедлился. Нет ни массовых полётов в космос, ни источников неограниченной энергии, которые грезились в 50-е — 60-е годы.

Чем это обусловлено? Торможением прогресса со стороны гигантских монополий? Потерей интереса к истине, вызываемой либерализмом коммерциализацией науки? В известной степени, да. Но главное, как представляется, человечество достигло некоего участка пути познания, где приходится идти в гору или даже упираться в отвесную скалу. Разумеется, и сегодня совершается множество открытий, меняющих мир по мелочам. Но этих открытий недостаточно для нового качества, настоящих прорывов нет. Кроме как, может быть, в науке порабощения человека.

Земляне собираются по второму разу лететь на ту же Луну. Но речь о полётах к звёздам уже не идёт. Новых источников энергии нет — термоядерных электростанций, которых ждали ещё лет 60 назад, как не было, так и нет. А значит, нет нового пространства для развития капитализма, и нет нового пространства для либеральной свободы.

Следствия для общества и культуры

Что же получается? Либерализм требует свободы. Свобода в материальном мире становится невозможной. Нет неизвестных континентов, которые можно было бы открыть и куда перебраться из-под душащей реальности (перефразируя старый анекдот про интеллигентов и автобусы, “Колумбов до фи́га, Америк не хватает”). Переселение транснациональной либеральной элиты в Австралию и Новую Зеландию — пародийная мелочь. Нет неосвоенных земель, к которым можно двигаться в скрипучих повозках под полотняными тентами. Жажущий свободы не может основать ферму или ранчо, где будет жить по своим правилам, лишь в крайнем случае обращаясь к столь же свободным индивидуумам за помощью в том, чтобы отбиться от злодеев и покарать их.

Сегодня человек не может никуда двинуться в перенаселённом и скованном законом “цивилизованном мире”. Со всех сторон вокруг него другие индивидуумы, свобода которых ограничивает его свободу. Всюду он натывается на “священную” чужую собственность. Индивидуум (то есть атом) так же зажат и неподвижен, как атомы в центре Солнца, сдавленный огромным давлением таких же сдавленных атомов. Но ведь его душа, идейно вскормленная либерализмом, требует некой “свободы”. Эту “свободу” предписывает либеральное общество, которое не может её не предписывать, поскольку в этой “свободе” главное его оправдание. “Да, конечно, есть те или другие недостатки, но ты же свободен! Что по сравнению с этим имуществом неравенство, те или иные мелкие несправедливости и неурядицы — ведь ты же свободный человек в свободном обществе!”

И что же делать человеку, если свобода необходима, а пространства для неё нет? Либеральное общество такое решение предлагает — иллюзорную свободу, псевдосвободу. Это всевозможные субкультуры — хиппи с их наркотической нирваной, рокеров, бессмысленно (пока не займутся рэкетом и наркоторговлей) гоняющих на своих мотоциклах, загробных миров готов и всевозможных фэнтези с их “племенами” и пр.

Неудивительно, что главным героем западных литературы и искусства стал преступник — только он свободен в либеральном правовом государстве.

Невозможность осмысленной свободной деятельности требует легитимации свободной бессмысленной “однообразной” деятельности. На Би-Би-Си, например, показывали серию передач, где школьники под руководством ведущего занимались деятельностью, принципиально не имеющей никакого смысла. Они, например, создавали набор деталей для склеивания игрушечной модели самолёта в натуральную величину. И склеивали такой самолёт. Или собирали трассу для гонки игрушечных автомобилей в сотни метров длиной. Или из детского металлического конструктора скручивали подъёмные и поворотные мосты для переправы через городской канал. Эти мосты были использованы лишь один раз для того, чтобы по ним через канал перешёл ведущий. Отсюда же расцвет экстремальных видов спорта и размножение бесчисленных видов компьютерных игр и квазиспорта.

И, конечно же, для реализации свободы открыто бесконечное пространство сексуальных изысков и поисков. Человек ничего не может сделать в реальном мире, но всегда может обнаружить в себе или же изобрести какой-нибудь гендер. И число гендеров множится, а значит, пространство (мнимое пространство) свободы растёт.

Если человеку нужна общественная активность, он может бороться за свободу ЛГБТ+. А если его влечёт наука — можно заниматься гендерными исследованиями. Вычислять, скажем, число гендеров, которое могут поместиться на кончике иглы.

Таким образом, ЛГБТ и прочее — не просто разврат, но логичное воплощение либерального лозунга Великой французской революции “Свобода, Равенство, Братство!”. Свобода (сексуальная), равенство гендеров, их братство и взаимная помощь против врагов этой свободы (а значит, и свободы вообще).

Вот американский военный корабль только что назвали именем легендарного гей-активиста Харви Милка. Это логично — Харви Милк и есть культурный герой либеральной свободы, которую американский флот должен защищать.

Таким образом, нынешний гендерный взрыв тоже имеет своей причиной заминку научно-технического прогресса, не позволяющего в нужном темпе расширять пространство свободы.

Первые поселенцы в Америке или пионеры Дальнего Запада XIX века не занимались гендерными изысками — у них были другие возможности чувствовать себя свободным.

Современное искусство, где либералы голыми скачут по сцене — не от бескультурия, отнюдь. Это их служба либеральным богам: богине ночи Гекате (ведь именно её идол стоит на подходе к Манхэттену с Атлантического океана), и Либери-Вакху-Дионису — богу опьянения и безумия. Либералы терзают искусство так же, как вакханки растерзали Орфея. Разумеется, мы не подозреваем российских современных либералов в том, что они имеют представление об Орфее или Дионисе. Но есть какой-то механизм самозарождения или возрождения мистических и гностических систем. Советский и российский либерализм — гностический. Советские интеллигенты были и остаются стихийными гностиками (так сказать, гностиками без гностицизма). Интеллигентские деятели искусства и журналисты в своих произведениях стремятся показать российскую действительность как подлежащую безусловному уничтожению, о чём мы писали выше.

Либерализм требует свободы, и либералы освобождаются от культурных запретов и приличий. Для либерализма не существует ни сообществ, ни их членов, ни граждан, ни мужчин, ни женщин, есть только “личность”, которая “свободно делает выбор”, и именно потому идеально годится для манипуляции.

Либерал по определению является врагом народа, ибо существование народа как всякой надличностной сущности для него является нонсенсом.

Немного о стремлении либерализма к бескачественности. Оно работает на пару со стремлением к равенству, а на деле — к тождеству. Возьмите, к примеру, те же самые “браки” гомосексуалистов по сравнению с настоящими браками мужчины и женщины. Физически это другое явление. Но здесь ведь речь идёт не о том, чтобы уравнивать в правах два разных общественных явления, но о том, чтобы называть их одним словом, утвердить тождество разных понятий. Это противоречит не только “традиционным ценностям”,

но и является нарушением законов мышления. Отсюда же феминизм, отождествляющий женщину с мужчиной.

Силами либералов, правозащитников, экологов идёт уравнивание, то есть отождествление всего со всем: мужчин с женщинами, детей со взрослыми, людей с животными, с растениями, с минералами. Уравняв в правах человека с животным, можно с лёгким сердцем принести в жертву животному интересы человека и самого человека, что экологи и веганы с успехом и делают. Так что не стоит удивляться сообщению из США: "...под Вашингтоном на заброшенной станции метро "Сенека" обнаружено логово веганов-каннибалов, – рассказал в прямом эфире своим слушателям известный диджей ThreeDogNight. – На данный момент доказано, что на днях члены этой секты съели своего товарища, который добровольно дал согласие и был принесён в жертву культу поедания растений и солнечного света".

Не только пол, но и детство объявлено социальным конструктом. А это открытая дверь для секса с детьми, для педофилии.

В итоге, прокламируя равенство и проводя тождество, на практике либерализм создаёт крайне неоднородное общество. Чтобы существовать в обществе принудительного равенства неравного, лишённого реальной свободы при свободе декларативной, императивом становится толерантность, то есть требование терпимости нетерпимого. Поскольку мир, создаваемый либералами, до крайности уродлив, "современное искусство" и завязанная на него эстетика доказывает не только то, что "маленькое прекрасно", но и что "уродливое прекрасно".

Воспалённое стремление к свободе побуждает либералов не только освобождаться от культуры, но и пытаться освободиться от законов природы. "Зелёная энергетика", фетиш "возобновляемых" источников энергии на деле – стремление освободиться от законов сохранения вещества и энергии.